

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 173

28 июля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе, с участием заявителей А. С.В. и А. Т.А., представителя А. Т.А. – Б. В.А. (доверенность на бланке ..., удостоверенная 22.12.2025 нотариусом города Москвы О., номер в реестре ...), адвоката К. и его представителя П. (Доверенность на бланках ..., ..., удостоверенная 20.07.2026 нотариусом города Москвы О., номер в реестре), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе А. С.В. и А. Т.А. от 12 марта 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 20 мая 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителями А. С.В. и А. Т.А., выразившемся в том, что, зная о вынесении 3. районным судом города Москвы решения от 23 ноября 2020 года по гражданскому делу № ... об отказе в удовлетворении исковых требований А. Т.А. к П. о признании договора купли-продажи квартиры от 06 августа 2018 года недействительным, он как профессиональный советник по правовым вопросам должен был осознавать, что отсутствуют правовые перспективы для удовлетворения новых исковых требований А. Т.А., основанных на неисполнении договора купли-продажи квартиры от 06 августа 2018 года, а также, что истекает срок исковой давности по этим требованиям, однако, 20 мая 2024 года заключил с А. С.В. Соглашение об оказании юридической помощи № ... на подготовку искового

заявления А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств, 03 сентября 2024 года, уже после истечения срока исковой давности, подготовил исковое заявление А. Т.А., а затем 26 сентября 2024 года заключил с А. Т.А. Соглашение № ... на ведение гражданского дела по указанному иску, не разъяснив доверителям бесперспективность их обращения в суд с вышеуказанным иском вследствие отсутствия правовых оснований для его удовлетворения и истечения срока исковой давности, что может являться самостоятельным основанием для отказа в иске в случае заявления о пропуске срока ответчиком, поскольку оснований для восстановления срока исковой давности в данном случае отсутствовали, в то время как решением С. городского суда М. области от 27 января 2025 года по гражданскому делу № ... в удовлетворении исковых требований А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств отказано, как ввиду недоказанности недобросовестности ответчика, так и ввиду истечения срока исковой давности;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем А. Т.А., что выразилось в том, что, получив на свой личный банковский счет от представителя доверителя А. Т.А. – А. С.В. денежные средства в следующем размере: 27 сентября 2024 года – 60 000 рублей, 28 сентября 2024 года – 40 000 рублей, 09 октября 2024 года – 300 рублей, 14 октября 2024 года – 5 000 рублей, 29 октября 2024 года – 15 000 рублей, 11 ноября 2024 года – 2 100 рублей, 29 ноября 2024 года – 2 850 рублей, 27 января 2025 года – 15 000 рублей, 27 января 2025 года – 2 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи № ... от 26 сентября 2024 года и в счет компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, адвокат К. не внес указанные денежные средства в кассу адвокатского образования и не выдал доверителю А. Т.А. финансовые документы по проведению операций с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Заявители А. С.В. и А. Т.А. в заседании Совета сообщили, что заключение Квалификационной комиссии получили, с выводами Комиссии полностью согласны.

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что заключение Квалификационной комиссии получил, с выводами Комиссии частично не согласился, поддержал частично свое письменное Заявление о несогласии с заключением Квалификационной комиссии от 17 июля 2026 года (вх. № ... от ...). В частности, согласился с выводом Комиссии о невнесении полученных на свой личный банковский счет денежных средств в кассу адвокатского кабинета и невыдаче доверителям соответствующих финансовых документов. В то же время, выразил несогласие с выводом Квалификационной комиссии о том, что он не предупредил заявителей об истечении 26 мая 2024 года срока исковой давности по требованию,

связанному с неисполнением договора купли-продажи квартиры, указав, что исковая давность применяется по заявлению ответчика с учетом конкретных обстоятельств дела, и нельзя расценивать срок исковой давности как препятствие для лиц, планомерно и последовательно защищающих свои права. Полагает, что сомнения по вопросу исковой давности не исключали разумной и добросовестной защиты интересов доверителя, а также обратил внимание, что вывод Комиссии о подготовке им искового заявления 03 сентября 2024 года никакими доказательствами не подтвержден. Кроме того, не согласился с выводом Комиссии о том, том, что он необоснованно «вселил надежду» в заявителей и взялся за абсолютно бесперспективное дело, указывая, что при рассмотрении первого иска А. Т.А. к П. судом рассматривалось только требование о признании недействительным договора купли-продажи квартиры и не рассматривался вопрос исполнения этого договора со стороны Покупателя («оспаривания факта передачи денежных средств в первом иске не было»). В связи с этим были правовые основания для предъявления соответствующего требования в защиту интересов А. Т.А. Кроме того, в случае тождественности исков С. городской суд М. области прекратил бы производство по заявленному иску, но он такого решения не принимал. Отметил, что до обращения к нему А. прошли восемь судебных инстанций (в том числе пытаюсь пересмотреть решение 3. районного суда города Москвы по вновь открывшимся обстоятельствам) и были уверены в своей правоте, в связи с чем «вселять в них надежду» необходимости не было, они сами желали продолжения борьбы за свои права.

Отвечая на вопросы членов Совета, А. С.В. пояснила, что обратилась к адвокату К. с единственным вопросом: как найти медицинские документы, подтверждающие наличие у Г. заболеваний, не позволявших ей отдавать отчет своим действиям во время заключения договора купли-продажи квартиры в августе 2018 года, которые не были представлены в 3. районный суд города Москвы. В свою очередь, адвокат К. это утверждение А. С.В. не подтвердил, пояснив, что при обращении к нему А. С.В. в мае 2024 года они обсуждали разные варианты продолжения борьбы за права на квартиру в Зеленограде, а не только вопрос о поиске медицинских документов. В том числе обсуждалась возможность предъявления иска к Росреестру, но в конечном итоге была согласована позиция по обращению с иском к покупателю квартиры о возмещении имущественного ущерба, причиненного наследникам в связи с неоплатой по договору купли-продажи.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает, что Квалификационной комиссией правильно и полно установлены фактические обстоятельства дела, однако с ее выводами соглашается частично в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

23 декабря 2019 года А. Т.А. подала в 3. районный суд города Москвы исковое заявление к П. о признании договора купли-продажи квартиры недействительным, применении последствий недействительности сделки

(гражданское дело № ...). В обоснование своих исковых требований А. Т.А. указала, что является единственным наследником по закону своей двоюродной сестры Г., умершей 21 августа 2019 года, у которой в собственности находилась квартира по адресу: страдала рядом заболеваний, в связи с чем, заключая 06 августа 2018 года с П. договор купли-продажи указанной квартиры, «не могла отдавать себе отчет относительно осознания смысла и правовых последствий подписанных ею документов». Договор купли-продажи был заключен по реальной рыночной цене, но с обременением в виде пожизненного проживания в квартире продавца имущества. Истец А. Т.А. также оспаривала принадлежность Г. подписи в расписке о получении денежных средств.

Решением 3. районного суда города Москвы от 23 ноября 2020 года по гражданскому делу № ... исковые требования А. Т.А. к П. о признании договора купли-продажи недействительным, применении последствий недействительности сделки оставлены без удовлетворения. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 мая 2021 года решение 3. районного суда города Москвы от 23 ноября 2020 года оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения. 23 декабря 2021 года определением Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции судебные акты по указанному гражданскому делу оставлены без изменения.

20 мая 2024 года между адвокатом К., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, и доверителем А. С.В. было заключено Соглашение на оказание правовой помощи № ..., в соответствии с п. 1 которого адвокат К. принял на себя обязательства по подготовке искового заявления «о расторжении договора купли-продажи квартиры от 06 августа 2018 года в связи с неоплатой цены договора, признании права собственности на квартиру по адресу: ...». Согласно п. 4.1 указанного Соглашения вознаграждение адвоката составляет 30 000 рублей и подлежит оплате в течение трех дней со дня заключения соглашения.

Адвокат К. подготовил исковое заявление А. Т.А. к П. о взыскании суммы имущественного вреда и процентов за пользование чужими денежными средствами, которое 03 сентября 2024 года было подписано А. Т.А. и 07 сентября 2024 года было направлено в суд почтовым отправлением.

В указанном исковом заявлении, подготовленном адвокатом К., имеется ссылка на решение 3. районного суда города М. от 23 ноября 2020 года по гражданскому делу № ..., а также указано, что вопрос исполнения договора судом не рассматривался. В то же время П. якобы передала Г. денежные средства по договору купли-продажи квартиры наличными, однако при инвентаризации наследственного имущества денежные средства истцом (А. Т.А.) не обнаружены, по счетам наследодателя движение значимых денежных сумм отсутствовало, акт приема-передачи квартиры не подписывался. Г. не могла самостоятельно передвигаться, находилась под контролем П., которая не заботилась о здоровье продавца квартиры. В

исковом заявлении сделан вывод о недобросовестном поведении ответчика и заявлены требования о взыскании с П. в пользу А. Т.А. суммы имущественного вреда в размере 4 000 000 рублей, процентов за пользование чужими денежными средствами в размере 2 099 747,71 рублей.

18 сентября 2024 года в С. городской суд М. области поступило указанное выше исковое заявление А. Т.А. к П., которое 20 сентября 2024 года было принято судом к производству, возбуждено гражданское дело № ... (№ ...), на 27 сентября 2024 года назначено проведение подготовки дела (собеседование сторон).

26 сентября 2024 года между адвокатом К. и доверителем А. Т.А. было заключено Соглашение на оказание правовой помощи № ..., согласно п. 1.2 которого его предметом является «ведение гражданского дела № ... в С. городском суде М. области по иску А. Т.А. к П. о возмещении имущественного вреда (по правилам неосновательного обогащения) в суде первой инстанции до оглашения резолютивной части итогового судебного постановления по делу». Пунктом 4.1 Соглашения предусмотрено, что «вознаграждение адвоката составляет 100 000 рублей, подлежит оплате авансом в течение одного дня после подписания Соглашения, а также в размере 15 000 рублей за каждое судебное заседание после второго, подлежит оплате авансом, до судебного заседания. Кроме того, Доверитель выплатит Адвокату дополнительное вознаграждение в виде «гонорара успеха» из расчета 10% от суммы удовлетворенных исковых требований после вступления решения в законную силу».

26 сентября 2024 года заявитель А. Т.А. оформила доверенность на бланке ..., удостоверенную О., нотариусом города Москвы (зарегистрировано в реестре № ...), которой уполномочила А. С.В. и адвоката К. представлять ее интересы во всех судах судебной системы Российской Федерации.

По делу было проведено несколько судебных заседаний: 16 октября, 29 ноября, 17 декабря 2024 года и 27 января 2025 года. Решением от 27 января 2025 года исковые требования А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств оставлены судом без удовлетворения. В решении суд сослался на расписку Г., составленную 08 сентября 2018 года, в которой она подтверждает получение от П. 4 000 000 рублей за проданную квартиру по договору купли-продажи от 06 августа 2018 года; на передаточный акт от 08 сентября 2018 года о передаче П. квартиры и об исполнении договора купли-продажи от 06 августа 2018 года; а также привел обстоятельства, установленные решением 3. районного суда города Москвы от 23 ноября 2020 года по гражданскому делу № Суд в решении от 27 января 2025 года пришел к выводу о том, что истцом не представлено доказательств недобросовестного поведения ответчика при заключении договора купли-продажи спорной квартиры от 06 августа 2018 года и, как следствие, причинения истцу имущественного ущерба. Также судом в указанном решении отмечено, что решение 3. районного суда города Москвы от 23 ноября 2020 года по гражданскому делу № ... вступило в законную силу 26

мая 2021 года, и с этого момента истец А. Т.А. узнала или должна была узнать о нарушении своих прав, однако с иском в С. городской суд М. области она обратилась 07 сентября 2024 года, что подтверждается штампом Почты России, то есть по истечении срока исковой давности, предусмотренного ст. 196 ГК РФ. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 09 июня 2025 года решение С. городского суда М. области от 27 января 2025 года оставлено без изменения.

В жалобе заявителя А. С.В. и А. Т.А. выдвинули в отношении адвоката К. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в подготовке адвокатом К. искового заявления А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств при отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований и после истечения срока исковой давности по заявленным требованиям, о чем он не уведомил заявителей, а также в незаявлении им ходатайства о восстановлении пропущенного срока исковой давности, что стало самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований;

2) в привлечении адвокатом К. специалиста-психолога Т., консультация и заключение которой не имели значения для рассмотрения указанного гражданского дела, и в вынуждении заявителей оплатить ее услуги в размере 50 000 рублей;

3) в невыдаче адвокатом К. финансовых документов, подтверждающих получение от заявителей денежных средств.

Также в жалобе заявителя указывают о том, что адвокат К. не ответил на претензию заявителей с требованием вернуть уплаченные ими денежные средства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в подготовке адвокатом К. искового заявления А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств при отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований и после истечения срока исковой давности, о чем он не уведомил заявителей, Квалификационная комиссия пришла к выводу, что новый иск А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств был фактически основан на тех же обстоятельствах (неполучение денежных средств Г. по договору купли-продажи от 06 августа 2018 года) и по существу направлен на пересмотр вступившего в силу судебного акта. Комиссия указала, что при отсутствии каких-либо новых доказательств такое исковое заявление с аналогичными требованиями (хоть и названным требованием о взыскании убытков) заведомо не имело перспектив удовлетворения, а адвокат К. как профессиональный участник правоотношений, действуя разумно и добросовестно, должен был осознавать это еще на стадии принятия поручения от А. С.В. и А. Т.А. и обязан был предупредить доверителей о бесперспективности обращения в суд, чего им сделано не было.

Совет с указанным выводом Квалификационной комиссии согласиться не может в связи со следующим.

В результате дисциплинарного производства установлено, что предметом первого иска А. Т.А. к П., рассмотренного 3. районным судом города Москвы, было требование о признании недействительным договора купли-продажи квартиры, заключенного между продавцом Г. и покупателем П., основанное на статье 177 ГК РФ, то есть в связи с нахождением Г. в момент совершения сделки в состоянии, при котором она была неспособна понимать значение своих действий и руководить ими. В то же время, предметом подготовленного адвокатом К. второго иска, поданного А. Т.А. в С. городской суд М. области, было совершенно иное требование – о взыскании с П. денежных средств в связи с ее недобросовестным поведением, неисполнением принятых на себя обязательств по договору купли-продажи и причинением имущественного вреда А. Т.А. Иными словами, вопреки выводам Квалификационной комиссии, исковые требования по первому и второму искам не были аналогичными (тождественными), хотя и были основаны на тех же самых фактических основаниях, связанных с заключением между Г. и П. договора купли-продажи квартиры.

Совет соглашается с доводами адвоката К. о том, что у него были разумные основания для подготовки и предъявления иска А. Т.А. о взыскании с П. денежных средств, поскольку в решении 3. районного суда города М. действительно не давалась оценка доводам истца об отсутствии у П. денежных средств, необходимых для оплаты по договору купли-продажи квартиры, и не устанавливался факт реальной передачи денежных средств. Судом лишь было установлено, что подпись на расписке Г. в получении денежных средств принадлежит ей.

Согласно ст. 199 ГК РФ требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности (пункт 1), а исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения (пункт 2). То есть, истечение срока исковой давности не является препятствием для предъявления иска в суд, а в отсутствие заявления ответчика о пропуске срока исковой давности не является препятствием и для удовлетворения такого иска. Следовательно, действия адвоката по подготовке иска с требованием, по которому истекли установленные законом сроки исковой давности, сами по себе не могут быть признаны ненадлежащим исполнением обязанностей перед доверителем.

В настоящем дисциплинарном производстве установлено, что адвокат К. 20 мая 2024 года заключил соглашение об оказании юридической помощи с А. С.В., предметом которого было подготовка указанного искового заявления, после чего А. Т.А. 03 сентября 2024 года самостоятельно подписала и 07 сентября 2024 года подала исковое заявление, подготовленное адвокатом К., в С. городской суд М. области. И лишь 26 сентября 2024 года А. Т.А. заключила с адвокатом К. соглашение на оказание юридической помощи, предусматривающее представление ее интересов в

суде. Таким образом, окончательное решение о предъявлении иска принималось А. Т.А. самостоятельно.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, а также в толковании и применении норм Кодекса профессиональной этики адвоката, признает, что выдвинутое заявителями А. С.В. и А. Т.А. дисциплинарное обвинение в подготовке адвокатом К. искового заявления А. Т.А. к П. о взыскании денежных средств при отсутствии правовых оснований для удовлетворения исковых требований и после истечения срока исковой давности по заявленным требованиям не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. Совет в этой связи отмечает, что адвокат К. действовал в соответствии с требованиями п. 1 ст. 7 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат принимает поручение на ведение дела и в том случае, когда у него имеются сомнения юридического характера, не исключаяющие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать, а не вопреки этим требованиям, как это указала Квалификационная комиссия в заключении. По этой причине Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката К. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К аналогичному выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит и в части дисциплинарных обвинений в привлечении адвокатом К. специалиста-психолога Т., консультация и заключение которой, по мнению заявителей, не имели значения для рассмотрения гражданского дела, и в понуждении заявителей оплатить ее услуги в размере 50 000 рублей.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 21 января 2025 года между адвокатом К. и специалистом Т. был заключен договор № ..., в соответствии с п. 1.1 которого исполнитель приняла на себя обязательства по оказанию следующих услуг: «консультация специалистом-психологом по материалам гражданского дела № ... в С. городском суде М. области, а также гражданского дела № в З. районном суде города Москвы с целью установления индивидуально-психологических особенностей Г. 1957 г.р. П., их эмоционального состояния в момент совершения сделки и на стадии исполнения сделки купли-продажи квартиры от 06.08.2016 г. по адресу: ..., включая подготовку патопсихологических заключений (справки), а также участие в судебных заседаниях суда первой инстанции». Согласно п. 4.1 указанного Договора стоимость работы специалиста составляет 50 000 рублей. На третьем листе Договора от 21 января 2025 года в разделе «Адреса, реквизиты и подписи сторон» рядом с подписью адвоката К. проставлена подпись, визуально схожая с подписью А. С.В. в Соглашении об оказании юридической помощи от 20 мая 2024 года. Заявитель А. С.В. в заседании Квалификационной комиссии подтвердила, что была ознакомлена с этим

договором и поставила в нем свою подпись, а также подтвердила, что заключение специалиста Т. было приобщено судом к материалам гражданского дела.

В то же время, принятие решения о необходимости привлечения специалиста при рассмотрении спора судом относится к вопросам тактического характера, решаемым адвокатом самостоятельно в силу его законодательно установленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 2 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). По этой причине дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения адвокатом тактики работы по делу.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в нарушении адвокатом К. требований к формализации отношений с заявителем, Совет приходит к следующим выводам.

Согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» денежные средства в счет уплаты вознаграждения и (или) компенсации адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на его расчетный счет.

Совет и Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью. Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением, исполнением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принимать меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся как к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, так и к надлежащему оформлению полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом этой обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может затруднить заявителю защиту его прав и охраняемых законом интересов в рамках указанных правоотношений, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Так, в п. 1 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем»

указывается, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации. В п. 4 указанного Обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счет вознаграждения адвоката, на расчетный счет либо в кассу адвокатского образования (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы <<https://www.advokatymoscow.ru>>*).

Заявители А. С.В. и А. Т.А. в жалобе указали, что они оплатили адвокату К. 317 394 рублей за составление претензии, искового заявления, участие в судебных заседаниях, а также в счет компенсации транспортных, почтовых и иных расходов. Адвокат К., получая переводы и наличные денежные средства, обещал заявителям позднее передать им квитанции, однако никаких финансовых документов заявителям не передал. Так, по Соглашению от 20 мая 2024 года они оплатили адвокату К. 30 000 рублей наличными денежными средствами. По второму Соглашению – от 26 сентября 2024 году заявители произвели следующие безналичные платежи адвокату К.: 27 сентября 2024 года – 60 000 рублей, 28 сентября 2024 года – 40 000 рублей, за участие в судебных заседаниях 29 октября 2024 года – 15 000 рублей, 27 января 2025 года – 15 000 рублей, а также произвели оплату наличными денежными средствами: 27 сентября 2024 года – 15 000 рублей, 29 ноября 2024 года – 15 000 рублей, 17 декабря 2024 года – 15 000 рублей. Кроме того, заявители утверждают, что производили перечисления адвокату К. денежных средств в счет оплаты почтовых расходов, каршеринга, справки Росреестра, оплачивали государственную пошлину, услуги специалиста Т. При этом заявители, перечисляя все произведенные

ими затраты, не конкретизировали, по каким именно платежам адвокат К. не передал им финансовые документы.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что заявитель А. С.В. со своей карты Сбербанка России перевела на счет получателя «В.» (телефон получателя +7(***) *** -**-**, номер которого указан адвокатом К. в письменных объяснениях в качестве своего контактного номера телефона), следующие денежные суммы:

- в счет оплаты вознаграждения адвоката К. по Соглашению об оказании юридической помощи от 26 сентября 2024 года 27 сентября 2024 года – 60 000 рублей, 28 сентября 2024 года – 40 000 рублей, 29 октября 2024 года – 15 000 рублей, 27 января 2025 года – 15 000 рублей, а всего – 130 000 рублей;

- денежные средства, связанные с исполнением им поручения: 09 октября 2024 года в размере 300 рублей, – за получение справки из Росреестра, 14 октября 2024 года в размере 5 000 рублей, 11 ноября 2024 года в размере 2 100 рублей, 29 ноября 2024 года в размере 2 850 рублей и 27 января 2025 года в размере 2 000 рублей – в счет возмещения расходов по оплате каршеринга и платной дороги, а всего – 12 250 рублей.

При этом указанные денежные средства были перечислены на личный банковский счет адвоката К., открытый ему как физическому лицу. Доказательств, того, что денежные средства перечислялись заявителями на расчетный счет адвоката К., открытый его адвокатскому кабинету, не представлено.

Иные платежи адвокату К., указанные заявителями в жалобе, соответствующими документами не подтверждены. В представленных заявителями справках С. по произведенным платежам в другие даты отражены банковские операции с указанием типа операции «Оплата товаров и услуг», сведения о перечислении денежных средств адвокату К. отсутствуют. В связи с этим указанные платежи не могут служить доказательством несения заявителями расходов, связанных с исполнением адвокатом К. поручения по соглашениям от 20 мая и 26 сентября 2024 года. В представленных заявителями чеках об оплате государственной пошлины и об оплате в ООО «О.» проезда по платной дороге получателем платежей адвокат К. также не значится.

Согласно Разъяснению по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденному Решением Совета Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации от 19 января 2007 года (*Опубликовано в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации* <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-po-voprosu-ispolzovaniya-advokatskimi-obrazovaniyami-kvitantsiy-dlya-oformleniya-nalichn/?sphrase_id=235560>), для надлежащего оформления приема наличных денежных средств в счет оплаты услуг адвокатов в кассу адвокатского образования необходимо и достаточно заполнять приходно-

кассовые ордера (далее – ПКО) и выдавать квитанции к ним, подтверждающие прием денежных средств, вести кассовую книгу и журнал регистрации ордеров.

В Разъяснении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по вопросу оформления наличных денежных расчетов адвокатами, осуществляющими адвокатскую деятельность в адвокатских кабинетах, утвержденном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 17 апреля 2025 года, протокол № 25 (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/razyasnenie-soveta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy-federatsii-po-voprosu-oformleniya-nalichny/>), указано, что из Письма Минфина России от 19 декабря 2014 года № 03-01-15/65989 следует, что кассовые операции в части обязательного внесения в кассу адвокатского образования вознаграждения, выплачиваемого адвокату доверителем, и (или) компенсации адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, должны оформляться в соответствии с Указаниями о порядке ведения кассовых операций с юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства, утвержденными Центральным банком Российской Федерации 11 марта 2014 года № 3210-У. В соответствии с пунктом 5 Указаний прием наличных денег проводится по приходным кассовым ордерам (КО-1), форма которых утверждена Постановлением Госкомстата России от 18 августа 1998 года № 88.

Получив на свой личный банковский счет от А. С.В. денежные средства в счет оплаты вознаграждения по Соглашению от 26 сентября 2024 года в размере 130 000 рублей, а также платежи, связанные с исполнением им поручения, в размере 12 250 рублей, адвокат К. принял на себя обязанности не только по внесению их в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования, но и по выдаче доверителю А. Т.А. квитанции по проведению операции с ее денежными средствами. Бремя доказывания передачи доверителю таких документов лежит на адвокате К. Однако таких доказательств им представлено не было при том, что получение указанных платежей он не отрицает. Следовательно, адвокатом К. не выданы финансовые документы об оплате ему перечисленных выше сумм.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. в данной части опровергнутой, а его вину в нарушении взаимосвязанных предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката – установленной.

Довод жалобы о том, что адвокат К. не ответил на претензию заявителей с требованием вернуть уплаченные ими денежные средства, не может быть предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве, поскольку рассмотрение таких претензий находится за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления. Споры

о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи подлежат разрешению путем переговоров или в судебном порядке.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре о надлежащей формализации отношений с доверителями. В то же время Совет принимает во внимание, что адвокат К., имея длительный стаж адвокатской деятельности, ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде замечания, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем А. Т.А., что выразилось в том, что, получив на свой личный банковский счет от представителя доверителя А. Т.А. – А. С.В. денежные средства в следующих размерах: 27 сентября 2024 года – 60 000 рублей, 28 сентября 2024 года – 40 000 рублей, 09 октября 2024 года – 300 рублей, 14 октября 2024 года – 5 000 рублей, 29 октября 2024 года – 15 000 рублей, 11 ноября 2024 года – 2 100 рублей, 29 ноября 2024 года – 2 850 рублей, 27 января 2025 года – 15 000 рублей, 27 января 2025 года – 2 000 рублей в качестве вознаграждения по Соглашению об оказании юридической помощи от 26 сентября 2024 года № ... и в счет компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, он не внес указанные денежные средства в кассу адвокатского образования и не выдал доверителю А. Т.А. финансовые документы по проведению операций с денежными средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе А. С.В. и А. Т.А. от 12

марта 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков